

УДК 821.162.3; 821.161.1
DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.4.02

Э. Г. Задорожнюк

Н. С. Лесков, чехи и славянский мир

Задорожнюк Элла Григорьевна
Доктор исторических наук, зав. отделом
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32А, Москва, Российская Федерация
E-mail: elzador46@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2328-810X

Цитирование

Задорожнюк Э. Г. Н. С. Лесков, чехи и славянский мир // Славянский альманах. 2022. № 3–4. С. 356–380. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.4.02

Статья поступила в редакцию 20.02.2022.

Аннотация

В статье характеризуются взгляды и суждения Н. С. Лескова о народах восточного, западного и южного славянства, особенно чехов. Дан обзор составляющих всего наследия Лескова, позволяющих показать, почему именно этот народ считался им носителем общеславянских начал. Особо выделены тексты, посвященные исключительно чешской проблематике: раздел «Парижские чехи» в письме-очерке Лескова «Русское общество в Париже» и рассказ «Александрит»; рассмотрены также письма и мемуарные свидетельства о его пребывании в Чехии и знакомстве с чехами в 1862, 1875 и 1884 гг. Отмечено, что интенсивно начали издавать произведения Лескова и труды по их интерпретации лишь в 1920–1930-е гг. Несмотря на симпатии Лескова к чехам, его произведения так и остались недооцененными; это побуждает вернуться к интересу писателя к ментальности западнославянского народа, всегда вызывавшего глубокий интерес у своего соседа – народа восточнославянского. Характеризуются взвешенные оценки Лесковым творчества чешских писателей, в частности Б. Немцовой и И. Фрича.

Ключевые слова

Н. С. Лесков, славянский мир, ментальность, восточнославянские народы, южные славяне, чехи, польская эмиграция, художественные приемы, славянская взаимность.

Наследие выдающегося русского писателя Николая Семеновича Лескова (125-летие со дня его смерти отмечалось в 2020 г., а в 2021 г. – 190-летие со дня рождения) все в большей мере привлекает внимание исследователей – не только литературоведов, но также историков, и не в последнюю очередь историков-славистов. Важным и постоянным мотивом его творчества является внимание к славянскому миру и составляющим его восточно-, западно- и южнославянским народам; именно эту тему можно считать принципиально неисчерпаемой.

Наблюдения и суждения Лескова об отношениях трех народов восточного славянства, особенно русских и украинцев, отличаются редкой пронизательностью в плане соотношения ментальностей и национальных характеров; только Н. Гоголю удавалось столь же глубоко и объемно выявить их соотносительность. При этом Лесков не только проникся, можно сказать, трепетной любовью к художественному наследию Т. Шевченко, но и способствовал тому, что творчество поэта привлекло к себе внимание самых разных слоев культурного общества в России¹. Что касается художественных произведений, то образы украинцев даны в них в самых различных ракурсах и предстают весьма яркими: Лесков и подолгу жил на Украине, и тесно общался с ее обитателями.

В творчестве писателя обнаруживаются и меткие характеристики белорусов в описании первого его путешествия в Европу. Лесков отметил встречи с «пинчуками», которые не считали себя ни поляками, ни украинцами (русинами), но не считали и белорусами. Пожалуй, это единственное упоминание о пока не осознавших своей национальной идентичности представителях этого восточнославянского народа, разделенного рекой Пинной (так у Лескова) и живших близ города Пинска («польского Ливерпул», по его же слову), фиксация острого противостояния местного населения и поляков-землевладельцев. Между теми и другими тогда находились казаки, присланные из Петербурга – для усмирения вторых – все-таки готовилось известное восстание 1863–1864 гг. Собеседник-кучер Лескова заверил его: «Мы бы сами всех сих панов наших в мешки бы поупаковали, да прямо в Москву або в Питер живых и представили»².

Не менее художественно объемны, глубоко осмыслены и эмоционально выражены суждения Лескова, причем не в одни отрицательные тона окрашенные, по отношению к полякам (ряд из этих

¹ Зарва В. А. Творчество Н. С. Лескова и Украина. Киев, 1990.

² Лесков Н. С. Полное собрание сочинений в 30 томах. М., 1996. Т. 3. С. 277.

суждений Лескова будет приведен ниже). В Польше выпущены десятки работ по Лескову. Цельная характеристика польской лесковианы, включая пронизывающий все его творчество интерес к польскости, дана, в частности, в работе литературоведа Ф. Листвана³. В творчестве писателя можно обнаружить также пронизательные суждения о национальных особенностях южнославянских народов.

Во второй половине 1870-х гг., когда многие писатели давали свои оценки вовлеченности России в решение славянского вопроса, Лесков подчеркивал, что он всегда со славянофилами держался на дистанции, и считал, что у них сила уходит в «декорации». А в письме А. Суворину от 4 марта 1887 г. уточнял: «Это были величайшие спорщики, и спорам их не было бы конца, если бы они просто не перевелись на свете»⁴. Эти общие оценки славянофильства характеризовали и его внимание к южным славянам. Лесков, следуя Л. Толстому, не без иронии относился к побуждаемому славянофилами освобождению болгар и сербов; позже его сдержанность относительно дружбы с первыми подтвердилась: после войны за их национальное освобождение в Болгарском царстве правили властители прозападной ориентации. Поэтому в письме А. Суворину от 8 октября 1886 г. Лесков замечал: «Болгаре меня утешают»⁵, подразумевая под этим одобрение ими устранения с престола Александра Батенбергского, который проводил антирусскую политику.

Упоминалась и непоследовательность русской политики относительно Герцеговины: в письме А. Милюкову от 27 сентября 1875 г. писатель выражал недовольство решением возникших там проблем в «противуречии лучшим инстинктам страны», в данном случае Российской империи⁶. Лесков, отмечая сдержанное отношение к этим «инстинктам», совпадал в своих оценках со своим оппонентом Достоевским, который в «Дневнике писателя» утверждал, что России-освободительнице особой благодарности от славян ждать не стоит.

Куда более ярко проявилась ирония Лескова в художественных произведениях относительно сверхстрастной и вызывающей подозрения своей «искренностью» вовлеченности в балканские дела некоторых россиян, в первую очередь тех, которые «славянский вопрос» превращали в ширму для своих неблагоприятных дел. Так, в рассказе «Старый гений» (1884) сложнейшая ситуация с возвратом долга была

разрешена с помощью «сербского сражателя», находящегося в какой-то ямке возле бани. Он дал пощечину мошеннику, ограбившему старуху, и получил за это денежное вознаграждение, включая компенсацию за свое пребывание в тюрьме.

В рассказе «Отборное зерно» (1884) именно дворянин-мошенник громогласно выражает фальшивую приязнь «славянским братьям», видя в этом «хорошее средство к исправлению своих денежных обстоятельств и еще более дрянной репутации». В столице его принимали как подлинного представителя «земли русской», и вот в силу каких причин, замечает опять-таки не сам Лесков, а его собеседник (при этом писатель использует присущий его творческой манере взгляд сбоку и на дистанции): «Только всей и мудрости, что надо прислушаться, что у вас в данную минуту в голове бурчит и какая глупость на дежурство назначается. Открываете ли вы славянских братии, или пленяете умом заатлантических друзей, или собираетесь звонить вместо колокола в мужичьи лапти»⁷. Как видно, в этой самокритике (которая, кстати, содержится и в разделе «Парижские чехи» в письме-очерке «Русское общество в Париже», рассмотренном ниже) достается всем: и славянофилам с их любовью к дальним братьям и слабым вниманием к своим; и западникам, стремящимся потрафить «заатлантическим друзьям»; и, по всей видимости; народникам, заменившим звон в (герценовский) колокол стуком в мужичьи лапти. Указанным и другим творениям Лескова, таким образом, присущ глубокий интерес к славянскому миру – в сочетании состояния дел в нем с делами российскими в разрешении многих, как тогда говорили, «проклятых вопросов».

На этом широчайшем фоне поражает весьма деликатное его отношение к чехам (пожалуй, лишь еще один народ удостоился такого с его стороны отношения – англичане). Цель настоящей статьи – показать, почему именно чехи считались писателем носителями общеславянских начал. Особо выделены тексты, посвященные исключительно чешской проблематике: раздел «Парижские чехи» в письме-очерке Лескова «Русское общество в Париже» и рассказ «Александрит»; рассмотрены также письма и мемуарные свидетельства о его пребывании в Чехии и знакомстве с чехами в 1862, 1875 и 1884 гг. (достаточно полно обстоятельства этих пребываний описаны в биографии писателя, написанной его сыном). Работа в этом направлении не проводилась ни отечественными, ни зарубежными исследователями.

3 Listwan F. Sztuka pisarska Mikołaja Leskowa. Kraków, 1988.

4 Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М., 1958. Т. XI. С. 333.

5 Там же. С. 322.

6 Там же. 1958. Т. X. С. 424.

7 Там же. 1958. Т. VII. С. 289.

Чешская тема была первоначально затронута в очерках-письмах Лескова (1862–1863 гг.). Как раз в это время он, подвергшись остракизму, в первую очередь со стороны носителей революционно-демократических начал, отправился в путешествие в Европу в качестве корреспондента газеты «Северная пчела». Его путь можно проследить по письмам 1862 г., в которых Лесков почти не заметил белорусов (за исключением упомянутых выше «пинчуков»); яростно высказывался в адрес поляков (причем именно за то, за что сам подвергался остракизму с их стороны: его особо возмущала связь поляков с нигилистами); защищал угнетаемых ими русин.

Общим тоном разговоров Лескова и его письменных свидетельств того времени являлось вожделенное желание посетить Париж (для рассмотрения на дистанции той ситуации, в которой гонение на писателя оказывалось принципиально недопустимым), а по возможности и Лондон (чтобы встретиться с А. Герценом и объяснить хотя бы ему свое горе от несправедливых обвинений); отсюда же Лесков имел намерение бросить «взгляд сбоку и на дистанции» на западных и южных славян. Но в Праге он встретился с таким сердечным отношением, которое ему оказали чехи, что именно она стала одним из наиболее притягательных для него европейских мест; более того, комфортно он ощущал себя в Париже, общаясь как раз с чехами.

Прибыв в Прагу, по свидетельствам биографов, Лесков встречался там с Ю. Грегром, редактором газеты «Народни листы», ставшей позже органом младочехов, неким Шульцем, возглавлявшим печатный орган ультракатолицизма, а также Ф. Палацким – «будителем» чешского национального самосознания и видным деятелем всеславянского движения. Не менее важным было участие Лескова в похоронах классика чешской литературы Божены Немцовой; позже он перевел ее произведение «Двенадцать месяцев» и написал о ней статью для «Северной пчелы» (28 июля 1863 г.). Затем – уже в Париже – Лесков тесно сблизился с Й. Фричем, который писал под псевдонимом Мартин Бродский. Его «арабеску» под названием «От тебя не больно» тоже в переводе Лескова напечатала «Северная пчела» (остается заметить, что чешского языка – в отличие от польского – Лесков практически не знал, но дух обоих произведений передал достаточно ярко).

В статье о классике чешской литературы Лесков писал, что Божена (именно так) Немцова (чешка по матери, немка по отцу) приехала в 1855 г. в словацкий город Тренчин, чтобы больше узнать о жизни местного населения. «Австрийское правительство, – писал он, – заподозрило ее в каких-то таинственных и вредных для политики

намерениях и приказало ей немедленно оставить землю словаков»⁸. Правда, оттуда она смогла вывезти и опубликовать ряд легенд и сказок этого угнетаемого мадьярами западнославянского народа (а сказку о двенадцати месяцах издал в переложении сам Лесков). Писатель в статье одобрительно отозвался и о других писательницах-чешках, защищавших свои национальные традиции от преследований уже со стороны немцев. Что касается пересказа арабски, то ее сюжет особого интереса не представляет, зато в примечании к ней Лесков указал на тяжелое положение чешских учителей и их детей.

В письме-очерке «Русское общество в Париже» (раздел «Парижские чехи») больше говорится как раз об эмигрантах-поляках, но характеризуется и специфика их отношений с немногочисленными чехами, а тех и других – с русскими. Эти отношения можно обозначить как несовпадение умов (в современном научном дискурсе принят термин «конфликт ментальностей», гораздо более жесткий для описываемых Лесковым характеристик). Он констатирует: «Провозгласив себя “славянской интеллигенцией”, поляки не могут дать равного с собою права на разум не только русскому, но и сербу, и болгару, и даже чеху. А между тем чехи, этот едва ли не самый милый и самый грамотный (здесь и далее курсив в оригинале. – Э. З.) во всем славянстве народ, эти честные и работающие чехи во всем стоят выше польской цивилизации. По характерам своим чехи очень просты, внимательны и приветливы ко всем славянам. Воспитанные в духе неустанной оппозиции немецкому элементу и изведавшие тяжелым опытом свою несостоятельность собственными силами сбросить ненавистное для них австрийское иго, они постоянно мечтают о свободной славянской федерации и никогда не сомневаются в ее возможности. Поэтому чехи ласкают не одних русских, но и поляков, и сербов, и болгар, – словом, всю славянщину. Поляки же не любят идеи свободной, равноправной федерации, называют чешские надежды “наивными мечтами” и никогда не упускают случая посмеяться над их стремлениями к достижению смешной и, по мнению поляков, несбыточной “slawianskiej wzajemnosci”»⁹. Этим начальным (а в чем-то изначальным, то есть основополагающим) тезисом Лесков и начинает письмо, постоянно обращаясь к указанному несовпадению умов.

Итак, между парижскими поляками и чехами не может образоваться близких взаимных отношений, поскольку чехи не боятся дружить

⁸ Лесков Н. С. Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 3. С. 382.

⁹ Там же. С. 314.

с русскими, а полякам это не нравится. Первые признают: «моска-ли» только один самостоятельный славянский народ в мире, хотят идти с ними, а вторые упрекают их в каком-то подхалимстве России. Но чехи, как и «галицийские русские» (русины Галиции), полны федеративных стремлений и всегда обращают взгляды на единственный самостоятельный славянский народ, даже расходясь с русскими (славянофилом М. Погодиным или западником А. Герценом) во взглядах на планы федеративного устройства славянства во главе с Россией.

В условиях меньшего давления цензуры на российскую печать Лесков не побоялся выразить симпатию именно к этой устремленности чехов к федеративности славянских народов (не адресуясь почему-то к высказанным по этому поводу идеям знаменитых словаков Я. Коллара и П. Шафарика, а также их последователей-чехов). На наш взгляд, обсуждение данной темы предполагалось и на встрече с «революционером» Герценом в Лондоне, которую замыслил «постепеновец» Лесков и от которой затем отказался. И все же есть основания утверждать, что под словами о федерации народов могли бы подписаться ранее демократически ориентированные панслависты Герцен и Бакунин (а позже и М. Драгоманов), а справедливость ряда антипольских утверждений поддержали бы и славянофилы. Такая промежуточность позиции прослеживается и во всем тексте письма-очерка Лескова.

Подчеркнув упомянутую выше враждебность интересов «галицийских русских» и чехов с поляками на уровне эмиграции, Лесков, ссылаясь на свое участие в полемике в ходе встречи с эмигрантами – представителями славянских народов, продолжает: «Вся уклончивость, вся ловкость блестящей диалектики, которою счастливо обла-дают поляки, не дают средств сохранить в этих беседах безобидного тона. Все это не сдерживает прямого, горячего, обличительного слова галичанина, и хозяину остается всего лучше молчать и не вмешиваться. Чехи, будучи гораздо благовоспитаннее русских, обыкновенно ведут себя гораздо терпимее «галицких русских». Встречаясь с русскими и поляками, чехи всегда стараются избегать вопросов, щекотливых для той или другой стороны, и умилительно твердят своим мягким птичьим языком: “Kochajcie sie, bratujcie sie, nie klótcie sie, aby žyła nasza mater swiata Slowianszyna”¹⁰. Чехи в своих политических воззрениях всегда резко разграничивают народы с правительствами <...>»¹¹.

10 Любитесь, братайтесь, не ссорьтесь, чтобы жила наша мать святая Славянщина.

11 Там же. С. 315.

Надо сказать, что последнего афористического тезиса не всегда придерживался сам Лесков. Конечно, чехи сходились и с поляками, тем более вследствие близости языков; между ними были родственные связи, много торговых дел. «Но, – читаем у Лескова, – несмотря на все это, между поляками и чехами нет того сближения, которое могло бы и должно бы быть. Чехи такие же горячие патриоты, как и поляки, но они еще более горячие и искренние демократы, чем патриоты, тогда как демократия и поляки – это два слова, которые неловко и писать рядом! Врожденный аристократизм поляков – друзей демократии Герцена и русских социалистов – не нравится демократическим чехам; но они смалчивают им “aby žyła slowianszczyna”»¹². Конечно, среди поляков были свои «демократы», а среди чехов – свои «аристократы», но и тех, и других Лесков не замечал.

В дальнейшем, описывая различия, писатель вступает на стезю искусственного очеркиста и обладателя уникального стиля изложения, особо тактично характеризуя деликатную чешскую скромность. «Они ласкают поляков и сочувствуют их несчастьям, а те посмеиваются над чешским птичьим язычком и чешской “славянской взаимностью”. Обе эти насмешки столь же мало справедливы, сколь неостроумны. Во-первых, мягкий и мелодический язык чехов ничуть не хуже и не беднее шипящего и брянчащего языка польского, а во-вторых, он и гораздо менее польского пересыпан чужими словами (латинскими, немецкими и французскими) <...> У чехов если что волею или неволею и вкралось где-нибудь немецкое, то все это они стараются выполоть вон и берегут славянское слово во всей чистоте. Язык их только очень мягок для нашего уха»¹³, – констатирует он.

Расходятся и привычки двух западнославянских народов. Чехи в Париже принимают к себе всякого польского гостя, продолжает Лесков, а поляки только одного – Йозефа Фрича. «Чех этот – самоотверженный славянский страдалец, бившийся за свободу с горстью парижских студентов против цезарских войск австрийского императора и прошедший в сыром каземате Йозефштата лучшие годы своей юности <...>. Он нужен полякам, чтобы удерживать на их стороне общественное мнение, так как его здесь очень уважают, и притом же он корреспондент многих чешских газет; но как Фрич тоже в душе своей чистый чех и федералист, то поляки, куртизаня с ним

12 Там же. С. 316.

13 Там же. С. 320.

в глаза, за глаза называют его “смешным славянским фанатиком”. Будь он поляк, а не чех, он был бы герой, а теперь он шут»¹⁴.

Конечно, это преувеличение в оценке, тем более что обо всем, происходившем на польских сходках, Фрич не рассказывал. Но вот к Лескову зашли два поляка и начали говорить о том, что русские, как и негры, от самой природы обречены на холопство; что русины в Галиции должны служить Польше, а не домогаться самостоятельности; что либеральные венгерцы правы, лишая славян (по всей видимости, как раз словаков) своей народности; что поляки с венгерцами это понимают и с венгерцами согласны. Фрич, отметил Лесков, это выслушал и после их ухода заметил: «Это что еще! Это хоть на давности основывается. А вот я тебе новое расскажу: говорят, что и чехам, и тем никакой самостоятельности не нужно! говорят, что *мы* даже не имеем права быть особым народом, а только можем иметь свое провинциальное управление. Всеславянские паны эти поляки, да и все тут! <...>. Да о вас, монголах, уж и речи нет; куда вас, уральчиков! Вас за Урал! – продолжая смеяться, отвечал чех»¹⁵.

Большинство чехов, которых узнал Лесков, необыкновенно мягки. И далее он постулирует нечто вроде чехофильства, отмечая: «Лежащие на них следы несомненной благовоспитанности смягчают их страсти, сглаживают их речь и освобождают ее от нашей резкости и от польской кичливости или сменяющего ее унижения. Чех, о котором я говорю, неумоимо хлопочет о своих народных делах: ни австрийская тюрьма, ни парижский голод, геройски разделяемый с женою и двумя детьми, не останавливают его твердой воли: он переводит, пишет, издает исторические и политические вещи, направленные к возбуждению народного духа. Преследуя идею “славянской взаимности”, он не останавливается на словах и еще делится чем может с бедными соплеменниками. В мое время у него жили два поляка и один бедный чех. Поэт Фрич – это настоящий, урожденный революционер, преданный душою и телом делу восстания против Австрии и забывающий себя для этого дела»¹⁶.

При этом, подмечает Лесков, Фрич, трудясь над драмой «Мазепа», критически отнесся к одноименной поэме А. Пушкина. Читал он и польскую брошюру, в которой говорилось (скорее всего, в интерпретации поощряемого в свое время К. Марксом поляка, ранее

14 Там же. С. 321.

15 Там же. С. 321–322.

16 Там же. С. 322.

проживавшего на Украине, Ф. Духиньского) о монгольском (туранском) происхождении русских, о «собачьих браках» между ними, о невежестве и непризнании прав собственности, о гибельности дружбы некоторых поляков с «учтивыми москалями» (к которым причислялся и Герцен). Фрич бросил брошюру в камин, демонстрируя в то время свое русофильство.

Позже Лесков статье «Русские общественные заметки», напечатанной в «Биржевых ведомостях» (14 декабря 1869 г., без подписи), не без горького чувства вспомнил старого чешского друга, который «в последнее время нажил себе своим русофобством очень много врагов между чехами»¹⁷. Написано хлестко, но с забвением того, что сам Лесков подчеркивал необходимость разделять позиции народа и правительства. Он исходил в своей новой оценке Фрича из того, что старочехи устремились к союзу с царской Россией, как это выразилось в их поездке в Россию в 1867 г. Ее одобрил даже Герцен, Лесков же со свойственной ему пристрастностью погрешил против истины, прибегнув к введенному знакомым ему Ф. Тютчевым термину «русифобия»¹⁸. Взвешенная оценка отношений Фрича к России дана в статье Г. И. Еремеева, которая не обнаруживает признаков русифобии во его взглядах¹⁹.

Вернемся к разделу о парижских чехах. Еще в конце 1850-х гг., отмечает Лесков, в Париже учредился славянский клуб, инициатива создания которого принадлежала демократическому славянскому кружку. Чехи принимали в этом живое участие, но поляки уклонились. По убеждению Лескова, причина в том, «что им, как славянской аристократии, не резон мешаться с чехами, болгарчиками, хорватчиками и всяким “славянским сором”, так и потому, что здесь допускалось участие русских. А наши милые соотечественники не поддержали этого, потому что они, кажется, вовсе не чувствуют сколько-нибудь серьезной потребности не только в “славянской взаимности”, но даже

17 Там же. 2004. Т. 8. С. 187.

18 Слово «русифобия» было введено в оборот поэтами и социальными мыслителями П. Вяземским и Ф. Тютчевым примерно за 20 лет до его упоминания Лесковым. См.: *Апрышко П. П. Русифобия // Философский словарь. Издание девятое, доработанное и дополненное / под ред. А. А. Гусейнова и Ю. Н. Солодухина. М., 2021. С. 649–650.*

19 *Еремеева Г. И. Из истории идеологии чешского буржуазного радикализма второй половины XIX в. (Журнал Й. В. Фрича «Бланик») // Советское славяноведение. 1976. № 5. С. 25–36.*

не нуждаются и в “русской взаимности”²⁰. Постоянно сходились в нем одни чехи, эпизодически – другие славяне. Клуб стал пунктом взаимопомощи, но в общеславянский не превратился; что касается русских, то с чехами водились человек пять, хотя сам Лесков пере-знакомил с Фричем гораздо большее их число.

Красочно описал Лесков встречу Нового года вместе с чехами, которые старались, чтобы она произошла с поляками, русскими и другими славянами. Ключевым моментом на встрече было символическое припадение к вину из братской чаши чешского хрустала. На страницах «Северной пчелы» Лесков признавался, что увлекся общим настроением встречи. «Пели песни, – вспоминал он, – патриотические, застольные и сатирические. Припевы чешских песен очень удобны тем, что можно, вовсе не зная песни, совершенно верно выполнять эти припевы»²¹. Лесков – по очереди – спел крайне острополитическую песню о кузнеце, который был готов сковать нож для самого царя (песня на слова К. Рылеева и А. Бестужева) и не побоялся признаться в этом. Музыкальные чехи подхватывали ее припев: «slawa! slawa!», в песне они услышали русский отклик на их призыв к славянской взаимности.

Чехи не исчезли и в следующих очерках «Русского общества в Париже». Лесков отмечает, что именно чешки и польки горячо преданы национальным интересам²². Хотя поляк считает молдава (именно так), серба, хорвата и даже чеха «пигмеями»²³, те все же организовали национальные общины в Париже (чего, сокрушается Лесков, нет у русских). Там же Лесков отмечает, что «чех-новичок» в Париже попадает под опеку «чеху старому». Элегично звучат в тексте воспоминания русского писателя о «тихой Праге и молочном Оломоуце»²⁴.

Оценки Лесковым чехов в Париже не прошли мимо внимания критиков и в 1863 г., и особенно в 1869 г., когда они были включены в первый том издания «Повести, очерки и рассказы М. Стебницкого». В рецензии на издание М. Салтыков-Щедрин писал: «Заговорил он о том, что чехи вообще очень деликатны и никого не обижают, – и вдруг вспомнил о людях, которые рвут носы; это воспоминание рассердило его, и вот ему сейчас же захотелось их за это обругать

20 Лесков Н. С. Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 3. С. 324.

21 Там же. С. 327.

22 Там же. С. 346.

23 Там же. С. 369.

24 Там же. С. 344.

и пригрозить хорошо затрециной, которой они дождутся когда-нибудь за свою наглость и невежество. И при этом ему не пришло даже в голову, что читатель непременно должен спросить, какие же такие “наши революционеры” и где мог их видеть г. Стебницкий?»²⁵ Наблюдение справедливое: Салтыков-Щедрин ругал Лескова за антинигилизм постоянно (в одном этом томе его имя упоминается почти 30 раз). Но суждение о самой по себе «милой черте» чехов сатириком под сомнение не ставилось.

Еще одно обращение в разделе о парижских чехах весьма рельефно характеризует то, что выше было названо несопадением умов. Лесков подмечает, что имеющиеся у чехов идеи «славянской взаимности» ядовито и бестактно осмеиваются поляками. «Что худого, что вредного видят поляки в этом племенном тяготении? Выйдет ли из него хоть в далеком будущем что-нибудь пригодное для славянской федерации, о которой мечтают чехи, или вся эта *wzajemnosć* так и ограничится одними симпатиями, которые будут охлаждать или разгораться, смотря по тому, как наша политика будет утешать или огорчать славян, глядящих на нас очами упования, — не все ли равно это полякам? Обманом мы великие и напряженные надежды уповающих на нас славян, эти славяне всегда еще не потеряют возможности обратиться к политике поляков, заключающейся в том, что они, по сравнению их поэта, “*jak waz kijem przytiosnenty*” (как прижатый палкою уж), поднимают свои головы то туда, то сюда, и все лишь только затем, чтобы чувствовать, что хребет их пригнетен и что в великом свете всем для них “несть избавляй”. Чехи все-таки могут о чем-нибудь мечтать, глядя на наш цельный народ, который верует еще в свои *авось* и *небось*, не знает ни карты своего племенного родства, ни своего исторического прошедшего ранее 12-го года и не имеет понятий о международном праве. Самое невежество этого народа дает право мечтать о значении его симпатий, когда он снимет с себя свое невежество, и есть много причин думать, что в тех симпатиях будет очень много с общеславянскими симпатиями»²⁶.

Данная обширнейшая цитата характеризует отношение Лескова и к чехам, и к славянскому миру в целом, отношение, многие моменты которого актуально звучат даже сегодня. К примеру, упования Польши на Францию. Что могут принести Польше симпатии к этой

25 Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений. М., 1970. Т. 9. С. 340–341.

26 Лесков Н. С. Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 3. С. 319–320.

стране, которая, по убеждению русского писателя, засвидетельствовала неспособность ни к совершению внешних дел, ни к ограничению внутреннего произвола чиновников? «И во имя чего будут жить и какие бы то ни было симпатии французов к Польше, как только свободолюбивые французы поймут наконец, что переворот, совершенный в Польше в пользу угнетенного и задавленного польским дворянством народа, совершен не революционной Польшею, а консервативною Россиею; что Россия никогда не была в Польше враждебна польской демократии, польскому народу, а ограничила только произвол потомков польской олигархии, т. е. сделала там именно то, во имя чего поднимались честнейшие из народных революций, но избегла при этом большинства увлечений, неразлучных сопутников освобождения посредством революций? Где найдутся чьи бы то ни было симпатии для Польши, когда Европа поймет, что каждый поляк хочет быть поляком 1772 года и что он не разнится с поляком того времени ни в нравах, ни в понимании?»²⁷ Этот обширный ряд вопросов звучит во многом риторически, однако все же слышится что-то, вызывающее к ним интерес. Особенно если заменить Францию на нынешнюю Америку – преклонение перед которой столь же яростно демонстрируют правящие круги Польши.

В конце раздела о парижских чехах Лесков подчеркнул: «Чехи вообще предполагают в русских любви к славянству несравненно более, чем мы ее имеем. Из наших современных литераторов чехи почти все знают одного И. С. Аксакова. В его стремлениях они видят стремления целой России и очень сожалеют, что такой хороший и разумный человек, как г. Аксаков, не умеет воздержаться нас от *централизации*, преобладающего в нашем славянском чувстве. О наших писателях-космополитах (по всей видимости, имелись в виду Герцен, с которым вскоре тесно сблизился Фрич, и Чернышевский. – Э. З.) чехи здешние, разумеется, не знают ничего, да, вероятно, и не подозревают <...>. Чехи не могут вообразить народа-космополита и, как очень жаркие патриоты, иногда уже делаются довольно странны с своим пуризмом»²⁸.

Примечательно, что примерно десять лет спустя после первой публикации очерков в одном из своих антиингилистических романов «Некуда» (1864) Лесков особое внимание уделил тому феномену, который можно назвать несовпадением умов поляков и русских,

27 Там же. С. 320.

28 Там же. С. 328–329.

своеобразным фоном при этом выступает отношение к чехам. В частности, указано, что один из героев романа в Гейдельберге «ближе всех держался славянского кружка и преимущественно сходил с русскими и поляками. Чехов здесь было немного, но зато из среды их Вайнер вызвал себе крепкого друга. Это был Иосиф Коляр, поэт, энтузиаст и славянский федералист»²⁹. Действительно, Йозеф Иржи Колар (1812–1896) заслуживает внимания и Лескова, и его героя, но почему-то писатель почти не заметил идей его практически однофамильца словака Яна Коллара (1793–1852).

Наиболее полно в эпистолярном наследии писателя получило отражение пребывание в Чехии в 1875 г. Еще до отъезда в письме И. Аксакову от 23 апреля 1875 г. он писал, что в 1862 г. «Прага и Париж помогли мне забыть домашние невзгоды. Я вылечился. <...> Около 15 мая хочу уехать за границу»³⁰. На сей раз дорога в столичный град чехов шла через Париж – с остановкой в Мариенбаде (Марианске Лазни), где Лесков предполагал пройти курс лечения. В письме сыну (А. Лескову) от 11 июня 1875 г. он признался, что отравлен Парижем, особенно его духовной атмосферой: «Я совсем было разболелся и хотел было уехать из невыносимо шумного Парижа к чехам, в тихую Прагу, а оттуда в Мариенбад»³¹. В письме от 12 июня он известил детей, что отбывает в Мариенбад, хотя и циркулировала информация, что из-за дождей там не работают нужные источники. В письме от все того же 12 июня А. Милюкову он отмечает, что едет в «скучный Marienbad» – скучный как раз вследствие этого известия, пущенного врачами Карлсбада (Карловых Вар) и оказавшегося ложным³².

Все же ровно месяц спустя он благословляет этот курорт (письмо А. Милюкову от 12 июля) и пишет: «Нервические муки мои, по-видимому, утихают». Особо он отмечает, что ложные слухи о прекращении работы лучшего источника Крейцбрун распустили карлсбадские врачи. Лесков взял на себя миссию опровержения этих слухов в журнале «Русский мир»: «Этим Вы дадите мне случай услужить очень ласкающим меня мариенбадским врачам, из коих трое говорят по-русски, а один (Добшевич), как видите, может и писать». Как видно, Лесков принял участие в защите репутации курорта в немалой

29 Там же. М., 1997. Т. 4. С. 273.

30 Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. 1958. Т. X. С. 395.

31 Там же. С. 402.

32 Там же. С. 405.

степени исходя из симпатий к врачам-чехам, правда, в этом же письме он отметил: «Жизнь здесь дороже Парижа втрое»³³.

В письме П. Щебальскому от 29 июля он менее восторженно писал: «Я лечусь, хандрю и не работаю ничего от хандры»³⁴. Он особо отмечает благотворность лечения и сообщает, что намерен остаться в Праге на месяц. В обстоятельном письме тоже от 29 июля И. Аксакову Лесков уточняет, что «телом оздоровел <...>, но вообще духовные силы еще далеко не в авантаже»³⁵ и что его мучит мысль о родине. В Праге он намеревался провести уже всего неделю, а не месяц. В Мариенбаде же ему наскучили и аристократические земляки, и «немецкий графинь хищного типа». В то же время Лесков с приятностью приметил наличие на курорте русских книг, включая труды славянофилов Хомякова и Самарина, правда, обитатели курорта предпочитают покупать переводы Ренана (французского писателя, написавшего книгу «Жизнь Иисуса»).

В письме тому же Аксакову от 1 сентября³⁶ Лесков допускал возможность поработать в Варшаве. Он присматривался (и приценивался – литературных заработков ему не хватало) к месту чиновника, хотя и обнаружил здесь «со стороны русских косность, со стороны поляков косину». После теплых встреч в Праге это беспокоило его особенно. В других письмах и трудах Лесков неоднократно объяснял причины того и другого, хотя в более позднем письме В. Гольцеву (от 14 ноября 1888 г.) правомерно и нелюбезно утверждал, что не привержен тому, что было им названо «узкое ненавистничество, которого нет в душе моей ни к какой национальности»³⁷. В первую очередь это касалось как раз поляков; что касается русского народа, то он постоянно подчеркивал, что избегал всякой лести по отношению к нему. Остается добавить, что в одном из главных «полонофобских» рассказов «Антука» (правда, не без других «полонофильских» портретов поляков, даже антироссийски настроенных) Лесков не избегает взгляда сбоку и на дистанции. Поэтому и начинается рассказ с констатации его появления по дороге из Праги в Вену, что символично – это были на то время места поспокойнее.

Третий – и последний – раз Лесков был за границей летом 1884 г. и на сей раз посетил лишь Австро-Венгрию (с заездом в Дрезден).

Его перипетии описаны в воспоминаниях А. Лескова по письмам, ему адресованным. Он выбрал Мариенбад, куда прибыл 16 июня. Лечение проходило достаточно успешно, а вот контакты и с приезжими, и с местными утомляли, хотя его и сделали по статусу писателя (не только русского – любого) «почетным гостем» и предоставили некоторые привилегии. Врачей Лесков аттестует как «немцев», русские для него – «отвратительные пустельги», сблизился он только со священником. Лескова узнавали, а библиотекарь чех Шигай оказал ему особое внимание. 16 июля он не без сожаления покинул Мариенбад. Насыщенное событиями и дружескими встречами с чехами пребывание на курорте Лескова было описано в статье известного слависта А. Флоровского³⁸.

30 июля Лесков в первые же часы пребывания в Праге был обворован. Начались хлопоты по восстановлению документов – сначала через чешскую газету, которая описала «неучтивый случай» с ним, а затем через начальника чешской полиции, который предложил ему денежную помощь.

На основе как раз этих ярких впечатлений о крае и людях им был создан рассказ «Александрит. Натуральный факт в мистическом освещении». Д. Лихачев в своих работах о Лескове отметил характерные и присущие, пожалуй, только ему особенности изложения³⁹. Писатель часто и едва ли не обязательно ссылается на какого-то другого повествователя, чтобы кто-то третий (читатель) самостоятельно вынес свое моральное суждение о рассказываемом предмете. Лихачев объяснил это на примере интерпретации рассказа «Бесстыдник» (1877), в котором вор-интендант убеждает своих собеседников, что он стал бы героем в Севастополе, если бы ему приходилось находиться на боевых позициях в окопах. А герой стал бы вором на его месте. При этом Лесков даже собственные взгляды и оценки переадресовывает героям своих произведений, не избегая выставлять события в намеренно запутанном и даже мистическом свете – при нарочитой простоте изложения.

В рассказе «Александрит» Лесков выступил с оправданием общеславянства и особой роли в нем чехов – с противопоставлением швабам (полупрезрительное наименование немцев) и с надеждами на Россию. Данную идею в духе парадоксальности его подходов высказывает

33 Там же. С. 409–410.

34 Там же. С. 410.

35 Там же. С. 415.

36 Там же. С. 420.

37 Там же. 1958. Т. XI. С. 399.

38 *Florovskij A. V. N. S. Leskov v mariánolázeňských pramenů // Československá rusistika. 1969. XIV. № 4.*

39 *Лихачев Д. С. «Ложная» этическая оценка у Н. С. Лескова // Лихачев Д. С. Избранные работы в 3-х томах. М, 1987. Т. 3.*

старый еврей-ювелир Венцель. Рассказ опубликован в 1884 г., однако, согласно тому же художественному приему Лескова, в нем содержится контаминация впечатлений о разных сроках и местах пребывания. Так, в этом же 1884 г. он находился в Праге всего один день, а фабула рассказа охватывает довольно длительный период. То же можно сказать и о разности пространственных впечатлений.

В целом рассказ крайне примечателен для характеристики того, что мы назвали столкновением ментальностей, хотя и представленным весьма идеализированно. Но не исключено, что Лесков намеренно выбрал фигурой главного героя не чеха, чтобы убедительнее звучали его завышенные оценки указанной ментальности.

В письме к М. Пыляеву от 9 августа 1884 г. он отмечает, что наблюдал летом гранатовых торговцев, и пишет, что адресата письма в Праге вспоминали довольно часто. В этом же письме он упоминает об одном из первых названий рассказа – «Огненный гранат» и говорит о стремлении уподобить его одному из лучших своих творений, «Запечатленному ангелу»⁴⁰. Особенно интересовали его сведения о пиропах – разновидности гранатов. А в письме И. С. Аксакову от 10 ноября 1884 г. он пишет, касаясь поиска сведений о камнях: «Истолкователем выведен старый гранильщик, чех с “сухих гор Мереница”»⁴¹. Тот же прием взгляда сбоку обнаруживается и в данном рассказе: мысли указанного в письме гранильщика-чеха приписаны ювелиру-еврею. В этом же письме обсуждается еще один вариант названия рассказа – «Подземный вещун». Сам рассматриваемый рассказ Лескова можно уподобить описываемому им же камню – по уровню его насыщенности смыслами, призванному осветить отношение и к чехам, и к славянству.

Комментируя рассказ, А. Лесков отмечает, подчеркивая нелюбовь его героев к «швабской ступе»: «Здесь чех и русский сочетались в захватнических вожделениях юнкерской Германии, в ее отношении ко всему славянству однородной оказалась и любовь каждого из собеседников к своей родине, готовность служить ей сколько хватит сил»⁴². Конечно, Лесков не отрицал силовых воздействий юнкерской – в основном Прусской – Германии на славянство. Но в данном рассказе он ставит акцент на том, что сейчас именуется «мягкой силой». Проживавшие в основном в южной Германии швабы были тем

этническим элементом, который давал наибольшее число эмигрантов-колонистов. И они, будучи неплохими ремесленниками, жестко конкурировали с местными мастерами.

В принципе рассказ, как и описанный в нем драгоценный камень, бросает дополнительный свет и на более поздние политические теории. Кроме этого, нельзя забывать, что ко времени написания рассказа Лесков выступал с резкой критикой славянофилов и, сближаясь со взглядами Л. Толстого, осуждал выпященный патриотизм.

«Александрит» (были забракованы названия «Огненный гранат» и «Подземный вещун», по-своему, можно сказать, промыслительные) отнесен Лесковым к специфическому жанру «Рассказ кстати». Вот его сюжет. В 1834 г. – году совершеннолетия будущего императора Александра II – был найден на Урале драгоценный камень, названный «александритом»: при разном освещении он меняет окраску – с зеленой на малиновую. Если обратиться к началу четвертой главы, в которой указывалось: «Летом 1884 года мне привелось бывать в Чехах» (с большой буквы – так у Лескова), получается, что у него действительно имелся перстень с таким камнем. Он заинтересовался еще одним редким камнем – чешским пиропом, или «огненным гранатом». По поручению петербургского товарища он приобрел камень при посредничестве приятеля-чеха и решил огранить его, что мог сделать старый Венцель, кабалистик и мистик, а также отчасти восторженный поэт и большой суевер. «Мы с ним давно знакомы и вместе пьем пиво у Едличка»⁴³, – заверил безымянный чех. К слову, чешское пиво любил и сам Лесков.

Гранильщик жил недалеко от известной исторической синагоги. Далее идет рассказ о камне, стилистика которого прекрасно передана Лесковым: о том, как старый еврей-ювелир, считавший себя чехом, искал тайну камня из Мероницких гор в причудливых районах Праги. «Мы с ним знакомы давно... Я видел его еще на его родине, на сухих полях Мереница. Он тогда был в своей первозданной простоте, но я его чувствовал... И кто мог мне сказать, что его постигнет его ужасная участь? О, вы можете видеть по нем, как духи гор предусмотрительны и зорки! Его купил разбойник-шваб и швабу дал его гранить. Шваб может хорошо продавать камень, потому что он имеет каменное сердце; но гранить шваб не может. Шваб – насильник, он все хочет по-своему. Он не советуется с камнем – чем тот может быть, да чешский пироп и горд для того, чтобы отвечать швабу. Нет,

40 Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. Т. XI. С. 291.

41 Там же. С. 297.

42 Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова. М., 1984. Т. 2. С. 283.

43 Лесков Н. С. Собрание сочинений в 12 томах. М., 1989. Т. 7. С. 400.

он разговаривать с швабом не станет. Нет, в нем и в чехе один дух. Шваб из него не сделает того, что ему вздумается. Вот они захотели сделать его крейц-розетою, вы это видите (я ничего не видел), но он им на это не дался. О да, – он пироп! он схитрил, он лучше позволил им, чтобы швабы ему отрезали голову, и они ему ее отрезали»⁴⁴.

Голова отрезана – значит, камень погиб? Нет, отвечает Венцель. «Голова! Да, голова – важная штука, господин, но дух... дух еще важнее головы. Мало ли голов отрезали чехам, а они все живы. Он сделал все, что мог сделать, когда попал варвару в руки. Поступи шваб таким подлым образом с каким-нибудь животным, с каким-нибудь жемчужом или с каким-нибудь “кошачьим глазом”, который нынче пошел в моду, – и от них не осталось бы ничего. Из них вышла бы какая-нибудь пошлая пуговица, которую осталось бы только выбросить. Но чех не таков, его не скоро столчешь в швабской ступе! У пиропов закаленная кровь... Он знал, что ему надо делать. Он притворился, как чех под швабом, он отдал свою голову, а свой огонь спрятал в сердце... Да, господин, да! Вы огня не видите? Нет! А я его вижу: вон он густой, неугасимый огонь чешской горы... Он жив и... – вы его извините, господин, – он над вами смеется»⁴⁵.

В конце старый Венцель сам засмеялся, закачав головою. Смех не только амбивалентный, но, можно сказать, поливалентный, если учесть, что к идее славянской всеобщности во время написания рассказа русский писатель относился с большими подозрениями.

Не без многоцветного лукавства Лесков отмечает, что Венцель мог бы стать собеседником такого великого любителя самоцветов, как Иван Грозный: «Вот бы с кем он всласть поговорил и, может быть, сам бы затравил его самым лучшим медведем». Судьба не лучшая, чем быть истолченным в швабской ступе. Рассказчик, презрев невзрачность полуобработанного камня, видит его «принцем» во сне, причем он мог находиться в обмазке стен, пока не был продан матерью-чешкой швабу «за горсть гороховых зерен». Камень стал «трубочистом», но все же после обработки он превратился в «огненного принца»⁴⁶.

При его передаче Венцель на руке рассказчика увидел кольцо с александритом – в сумерках светившим красным цветом. И вот окончание рассказа:

44 Там же. С. 401.

45 Там же. С. 402.

46 Там же. С. 403.

Сыны мои! чехи! Скорей! Смотрите, вот-вот тот вещий русский камень, о котором я вам говорил! Коварный сибиряк! он все был зелен, как надежда, а к вечеру облился кровью. От первозданья он таков, но он все прятался, лежал в земле и позволил найти себя только в день совершеннолетия царя Александра, когда пошел его искать в Сибирь большой колдун, волшебник, ведьмелота...

– Вы говорите пустяки, – перебил я. – Этот камень нашел не волшебник, а ученый – Норденшильд!

– Колдун! Я говорю вам – колдун, – закричал громко Венцель. – Смотрите, что это за камень! в нем зеленое утро и кровавый вечер... Это судьба, это судьба благородного царя Александра!

И старый Венцель отвернулся к стене, опер голову на локоть и... заплакал.

Сыновья его стояли молча. Не только для них, но и для меня, который так давно видал постоянно на своей руке «камень Александра Второго», камень этот будто вдруг исполнился глубокою вещей тайной, и сердце сжалось тоскою.

Как хотите – старик увидал и прочел в камне что-то такое, что в нем как будто и было, но что прежде до него никому в глаза не бросалось.

Вот что иногда значит посмотреть на вещь под необыкновенным настроением фантазии!»⁴⁷,

– завершает Лесков свой мистический рассказ.

Остается добавить, что «старый Венцель» мог вспомнить о всеславянских съездах, не без содействия русского императора проходивших в 1867 г. в Москве. В том же 1867 г. он устроил прием гостей съезда в Санкт-Петербурге⁴⁸.

В позднем творчестве Лескова упоминания о Чехии и чехах, а также других западно- и южнославянских народах (кроме, естественно, поляков) встречаются крайне редко. Так, в некрологе М. Каткову он не преминул заметить, что тот, вводя классическую систему образования, призвал «из-за Карпат бездушных шульмейстеров», «чешско-русинских иродов»⁴⁹. Острая критика антипольской политики умершего способна создать впечатление о Лескове едва ли не как о полонофиле. Таковым он, конечно же, не был и во времена гонений, и даже во времена написания некролога. Резкая публицистика была снята с гранок журнала «Новое время» и увидела свет лишь в 1934 г.

В заключение надо особо подчеркнуть, что и сам Лесков оставил по себе добрую память у чехов. Так, в журнале «Кветы» (1867, № 2) автор заметки В. Вавра одобрил поставленную в Праге пьесу

47 Там же. С. 407–408.

48 *Лантева Л. П.* Идея славянской взаимности и славянские съезды XIX в. // *Славянские съезды XIX–XX вв. М., 1994. С. 19.*

49 *Лесков Н. С.* Собрание сочинений в 11 томах. Т. XI. С. 160–161.

«Расточитель» и назвал ее автора талантливейшим русским писателем. Внимание привлекли и рассказы Лескова, повествующие об угрозе ползучего онемечивания славян, в частности «Колыванский муж».

С 1880-х гг. Лескова переводили не только на чешский, но и на словацкий язык⁵⁰. Позже на творчество Лескова обратил внимание Т. Г. Масарик в своем труде «Россия и Европа». Уже в первом томе он упоминает Лескова в числе авторов так называемых антинигилистических романов⁵¹. О том же говорится и во втором томе, причем в их оценке Масарик опирается на суждение критика Н. Михайловского о том, что у Лескова отсутствует чувство меры, а в связи с этим и художественные способности⁵².

Наибольшее внимание уделено творчеству Лескова в третьем томе. Масарик в нем также критически оценивает творчество Лескова, относя его к «писателям второго и даже третьего ряда»⁵³. В разделе о Достоевском он подчеркивает общность взглядов Лескова и Достоевского⁵⁴, вместе выступавших с осуждением католиков и терпимо относившихся к протестантам⁵⁵.

Примечательна цитата, свидетельствующая о взаимном интересе этих двух писателей и о том, что они оба, опираясь в борьбе с нигилизмом на позиции лиц духовного звания (отец Зосима из «Братьев Карамазовых» и Туберозов из «Соборян»), все же «не могут изгнать призрак социализма»⁵⁶. Но лишь через несколько страниц Масарик признает, что Лесков – писатель достаточно интересный⁵⁷; его осуждали и все еще осуждают как реакционера, однако несправедливо. Такая коррекция оценки писателя вызвана, по признанию Масарика, знакомством с работой критика А. Волынского о нем, который пристрастился сначала к творчеству Достоевского, а затем Лескова⁵⁸. Судя по всему, произведения Лескова, крайне доброжелательно описывающие ментальность чехов в противопоставлении ментальности швабов (немцев) с опорой на Россию, в поле зрения Масарика так и не попали.

50 История словацкой литературы. М., 1970. С. 173.

51 Масарик Т. Г. Россия и Европа. Эссе о духовных течениях в России. СПб., 2000. Т. I. С. 143; 2004. Т. 2. С. 103; 2003. Т. 3. С. 285.

52 Там же. Т. 2. С. 223.

53 Там же. Т. 3. С. 16.

54 Там же. Т. 3. С. 57.

55 Там же. Т. 3. С. 57–58.

56 Там же. Т. 3. С. 173.

57 Там же. С. 185.

58 Там же.

Как считают чешские авторы И. Поспишил и В. Костржица, внимание на творчество этого великого русского писателя обратили лишь в 1920–1930-е гг.⁵⁹ Тогда активно стали издавать произведения Лескова, а также труды по их интерпретации. Все же, несмотря на горячие симпатии Лескова к чехам, его произведения так и остались, можно сказать, недопрочитанными. Это побуждает вернуться к выявлению в его творчестве того феномена, который допустимо назвать чехофилией – трогательным вниманием к ментальности западнославянского народа, всегда вызывавшего глубокий интерес у своего соседа – народа восточнославянского. Несмотря на все ухабы в процессе их взаимопонимания в XX и особенно начале XXI века.

В заключение – самый последний сюжет из раздела «Парижские чехи». В пражском кружке оказалась некая дама, которая сначала довела его членов до столбняка, а потом – до ярости чешку Ф. Моурек. «Сблизившись до известной степени с Моурек, она сказала ей в одном разговоре: “Как вы счастливы, что у вас два родных языка! Это удивительно приятно, что каждый чех в колыбели уже по необходимости говорит по-чешски и по-немецки!”»⁶⁰ Глупее нельзя было сказать чеху или чешке, комментирует Лесков: то, что они, поработанные немцами, считают несчастьем, русская барыня посчитала счастьем. Разделяя недоуменное возмущение в диапазоне от столбняка до ярости, писатель взял на себя миссию самокритичного разъяснения его причин, не посчитавшись с русскими в той же почти мере, что и, скажем, с поляками. Прибегая к отечественным пословицам, он сказал: «Наш край, друзья, дубровен: у нас дураков не орут и не сеют, а они сами роятся. Мы нынче космополиты, завтра патриоты, послезавтра нигилисты – и все это как ветер подует»⁶¹. Здесь выражена великим русским писателем национальная самокритика высшей пробы. Заметим в скобках, что указанная «ветреность» была иронично упомянута для характеристики русского ума и в вышеупомянутом рассказе «Отборное зерно».

Как показывает история отношений крупнейшего восточнославянского и одного из западнославянских народов, они не всегда характеризовались, по словам Лескова, пуризмом и деликатностью. Остается добавить, что эти отношения носят весьма избирательный характер как раз и сегодня, если учесть отношение некоторых чехов к памятнику освободителю

59 *Pospišil I. Labyrint kroniky: pokus o teoretické vymezení žánru*. Brno, 1986; *Kostržica V. Proza N. S. Leskova*. Olomouc, 1980.

60 Лесков Н. С. Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 3. С. 329.

61 Там же. С. 329–330.

Праги маршалу Ивану Коневу: при этом «самокритика» данной кощунственной акции обнаруживается у современных чехов не без труда.

Источники и литература

Апрышко П. П. Русофобия // *Философский словарь*. Издание девятое, доработанное и дополненное / под ред. А. А. Гусейнова и Ю. Н. Солодухина. М.: Мир философии. Алгоритм, 2021. С. 649–650.

Еремеева Г. И. Из истории идеологии чешского буржуазного радикализма второй половины XIX в. (Журнал Й. В. Фрича «Бланик») // *Советское славяноведение*. 1976. № 5. С. 25–36.

Зарва В. А. Творчество Н. С. Лескова и Украина. Киев: Лыбидь, 1990. 139 с. История словацкой литературы. М.: Наука, 1970. 469 с.

Лантева Л. П. Идея славянской взаимности и славянские съезды XIX в. // *Славянские съезды XIX–XX вв.* М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1994. С. 5–20.

Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова. М.: Художественная литература, 1984. Т. 2. 607 с.

Лесков Н. С. Полное собрание сочинений в 30 томах. М.: Терра, 1996. Т. 3. 880 с.; 1997. Т. 4. 776 с.; 2004. Т. 8. 944 с.

Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М.: Художественная литература, 1956–1958.

Лесков Н. С. Собрание сочинений в 12 томах. М.: Правда, 1989.

Лихачев Д. С. «Ложная» этическая оценка у Н. С. Лескова // *Лихачев Д. С.* Избранные работы в 3-х томах. М.: Художественная литература, 1987. Т. 3. С. 322–327.

Масарик Т. Г. Россия и Европа. Эссе о духовных течениях в России. СПб.: РХГИ, 2000. Т. I. 448 с.; 2004. Т. II. 720 с.; 2003. Т. III. 576 с.

Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений в 20 томах. М.: Художественная литература, 1970. Т. 9. 651 с.

Florovskij A. V. N. S. Leskov v mariánolázeňských pramenů // *Československá rusistika*. 1969. XIV. № 4.

Kostřica V. Proza N. S. Leskova. Olomouc: Výstavba ostravsko-karvinských dolů ke IV. Olomouckým dnům rusistů, 1980. 92 s.

Listwan F. Sztuka pisarska Mikołaja Leskowa. Kraków: Wydawnictwo Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej, 1988. 252 s.

Pospíšil I. Labyrint kroniky: pokus o teoretické vymezení žánru. Brno: Blok, 1986. 193 s.

References

Apryshko, P. P. “Rusofobia.” *Filosofskii slovar'*, ed. by A. A. Guseinova i Yu. N. Solodukhina. Moscow: Mir filosofii. Algoritm, 2021, pp. 649–650.

Eremeeva, G. I. “Iz istorii ideologii cheshskogo burzhuaznogo radikalizma vtoroi poloviny XIX v. (Zhurnal I. V. Fricha «Blanik».)” *Sovetskoje slavianovedenie*, 1976, No. 5, pp. 25–36.

Florovskii, A. V. N. S. “Leskov v mariánolázeňských pramenů.” *Československá rusistika*. 1969. XIV. No. 4.

Istoriia slovatskoj literatury. Moscow: Nauka, 1970, 469 p.

Kostřica, V. *Proza N. S. Leskova*. Olomouc: Výstavba ostravsko-karvinských dolů ke IV. Olomouckým dnům rusistů, 1980. 92 p.

Lapteva, L. P. “Ideia slavianskoj vzaimnosti i slavianskie s"ezdy XIX v.” *Slavianskie s"ezdy XIX–XX vv.* Moscow: Institut slavianovedeniia i balkanistiki RAN, 1994, pp. 5–20.

Likhachev, D. S. “«Lozhnaia» èticheskaia otsenka u N. S. Leskova.” *Izbrannye raboty*, in 3 vols. Vol. 3. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1987, pp. 322–327.

Listwan, F. *Sztuka pisarska Mikołaja Leskowa*. Kraków: Wydawnictwo Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej, 1988. 252 s.

Masarik, T. G. *Rossia i Evropa. Èsse o dukhovnykh techeniakh v Rossii*. St Petersburg: RKhGI, 2000. Vol. I. 448 p.; 2004. Vol. II. 720 p.; 2003. Vol. III. 576 p.

Pospíšil, I. *Labyrint kroniky: pokus o teoretické vymezení žánru*. Brno: Blok, 1986. 193 s.

Zarva, V. A. *Tvorchestvo N. S. Leskova i Ukraina*. Kiev: Lybid', 1990, 139 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.4.02

E. G. Zadorozhnyuk

N. S. Leskov, Czechs and the Slavic world

Ella G. Zadorozhnyuk

Doctor of History, head of a department

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: elzador46@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2328-810X

Citation

Zadorozhnyuk E. G. N. S. Leskov, Czechs and the Slavic world // Slavic Almanac. 2022. № 3–4. P. 356–380 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.4.02

Received: 20.02.2022.

Abstract

The article provides an outline of views and opinions of N. S. Leskov about the Eastern, Western, and Southern Slavs, especially the Czechs. An overview of the whole oeuvre of Leskov allows to show why he considered the Czechs bearers of the pan-Slavic principles. Especially highlighted are texts devoted exclusively to Czech issues: the section “The Czechs of Paris” in Leskov’s essay letters “The Russian Society in Paris” and the story “The Alexandrite”. Letters and memoirs about his stay in the Czech lands and acquaintance with the Czechs in 1862, 1875 and 1884 are also considered. It is noted that intensive publishing of Leskov’s works and studies dedicated to their interpretation started only in the 1920–1930s. Despite Leskov’s sympathy for the Czechs, his works remained undervalued; this prompts us to return to the writer’s interest in the mentality of the West Slavic people, who have always aroused deep interest in the East Slavic neighbour. Leskov’s balanced assessments of the work of Czech writers, in particular B. Němcová and J. Frič, are characterized.

Keywords

N. S. Leskov, Slavic world, mentality, East Slavic peoples, southern Slavs, Czechs, Polish emigration, artistic techniques, Slavic reciprocity.

УДК 9 (94)

DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.4.03

Т. Р. Семакина

**Непонятая литература, подозрительные пьесы
и всемогущая цензура: к вопросу об идеологических
противоречиях в польско-советских культурных
контактах на рубеже 1920–1930-х гг.**

Семакина Татьяна Рудольфовна

Аспирант

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119192, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, Российская
Федерация

E-mail: semakinaaa@gmail.com

ORCID: 0000-0002-8200-021X

Цитирование:

Семакина Т. Р. Непонятая литература, подозрительные пьесы и всемогущая цензура: к вопросу об идеологических противоречиях в польско-советских культурных контактах на рубеже 1920–1930-х гг. // Славянский альманах. 2022. № 3–4. С. 381–393. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.4.03

Статья поступила в редакцию 01.07.2022.

Аннотация

В межвоенный период в межгосударственных отношениях возросла роль политики мягкой силы, предусматривающей расширение культурного влияния и пропаганду культурных достижений за границей. В СССР в рамках данной политики в 1925 г. было создано Всесоюзное общество культурной связи с заграницей. Незадолго до того получившее независимость польское государство входило в число стран, с которыми требовалось расширять культурные контакты, однако существовало множество факторов, мешавших развитию этого процесса. В частности, между стремящимся к коммунизму Советским Союзом, где в 1930-е гг. активно развивался социалистический реализм как новый метод в культуре и искусстве, и санационной второй Речью Посполитой, где были довольно сильны антисоветские настроения, не могло не возникнуть определенных идеологических противоречий. Они проявлялись практически во всех сферах культурного сотрудничества: в области кинематографа, театрального искусства, литературы и т. д. Несмотря на все